
Три России Макса Вебера: к веберовской социологии русского модерна

О.В. КИЛЬДЮШОВ*

***Олег Васильевич Кильдюшов** – старший научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, kildyushov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9801-1952>

Цитирование: Кильдюшов О.В. (2026) Три России Макса Вебера: к веберовской социологии русского модерна // Мир России. Т. 35. № 2. С. 6–21. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-2-6-21

Аннотация

В статье обсуждается эвристическая схема анализа значимости русской проблематики в корпусе текстов Макса Вебера в связи с завершением издания источниковой базы – Полного собрания сочинений М. Вебера. Указывается на амбивалентное место русских сюжетов в творческом наследии классика: с одной стороны, Россия не являлась центральной темой его размышлений, но с другой – проблематика русской модернизации была тесно связана с веберовской философией истории в форме концепта усиливающейся рационализации как судьбы человечества. Отмечается пограничный статус экскурсов М. Вебера о России, находившихся на стыке различных дискурсивных жанров – политической аналитики, историософской прогностики и т. п. вплоть до визионерских пророчеств. Ставится вопрос о проблемном характере эвристики веберовских хроник Русской революции. Предлагается аналитическая рамка, позволяющая выделять различные этапы и соответствующие им способы тематизации российских сюжетов М. Вебером. Утверждается, что для большей части анализируемого корпуса характерно фоновое восприятие России как значимого соседа и при этом аутсайдера модерна, сохраняющего значительные элементы социокультурной архаики. Именно в этом качестве русские сюжеты встречаются во многих веберовских текстах, даже не связанных с нашей страной (например, в томе

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, реализованного при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

В основу статьи лег одноименный доклад, прочитанный 20 сентября 2024 г. на V Веберовской междисциплинарной научной конференции НИУ ВШЭ «Россия в социологии Макса Вебера и неовеберовских интерпретациях». Автор выражает благодарность участникам дискуссии за ценные замечания, позволившие в значительной степени уточнить аргументацию.

Статья поступила в редакцию в марте 2025 г.

о китайской этике). Данный подход сменяется кратким периодом интенсивного изучения М. Вебером положения Российской империи во время Русской революции. Фиксируется, что полученные им в 1905–1906 гг. базовые знания и личные контакты с отечественными экспертами сохраняли значимость и в последующем. Для данного этапа развития веберовской мысли характерно парадоксальное соединение аналитической трезвости и историко-философского пафоса, проецируемое на нашу страну как на последний шанс для реализации идеалов свободы в мире. Далее выделяется третья стадия интереса классика к России, связанная с катастрофой Первой мировой войны и революции 1917 года и в основном характеризующаяся негативным восприятием. Ставится вопрос об эвристическом статусе веберовского анализа после 1914 года. В заключении делаются предварительные выводы о значительной динамике веберовского восприятия нашей страны, нуждающиеся в дальнейшем уточнении посредством междисциплинарных исследований в рамках темы «Вебер и Россия».

Ключевые слова: Макс Вебер, история социологии, Русская революция, модернизация России, теория модерна, рационализация, историческая социология, вебероведение

Введение: чем интересны русские работы М. Вебера сегодня?

Завершенный в 2020 г. уникальный мегапроект Баварской академии наук по изданию Полного собрания сочинений Макса Вебера [Weber 1984–2020] позволяет уточнить место России в творчестве классика немецкой и мировой социологии. Теперь стало возможным прояснить значимость русских сюжетов как для различных тематических комплексов в его наследии, так и для разных периодов его научной и общественно-политической активности. Следует уточнить, что степень интереса М. Вебера к России, интенсивность его занятий теми или иными аспектами русской проблематики, а также уровень политической и эмоциональной вовлеченности в анализируемые события сильно колебались за время его недолгой жизни. Однако прежде чем проиллюстрировать это конкретными примерами, подчеркнем актуальность веберовских историко-социологических размышлений для понимания современной России [Filippov 2022].

С одной стороны, вполне очевидно, что русская проблематика в качестве научной топики не являлась основной в творчестве одного из отцов-основателей социологии. С другой стороны, его анализ исторической ситуации Российской империи начала XX в. представляет непреходящую ценность для нас, русских, хотя бы в силу принадлежности к данному «сообществу судьбы» (*Schicksalsgemeinschaft*). Ведь М. Вебер был чуть ли не единственным крупным социальным мыслителем, предметно задумавшимся над судьбой модерна в России. Причем эти размышления были структурно связаны с центральной для веберовского наследия концепцией модернизации как рационализации, являвшейся его собственной аналитической философией истории современности – совершенно оригинальной и при этом довольно пессимистической.

Также примечательно, что эти тексты – взгляд на русскую революционную драму запоздавшей демократизации не только со стороны выдающегося теоретика мирового уровня, но и пламенного немецкого националиста, имевшего множество

предубеждений в отношении нашей страны, что объяснимым образом особенно сильно проявилось в годы Первой мировой войны [Кильдюшов 2023а]. Отчасти это были общие представления немецкой либеральной буржуазии, видевшей в самодержавной России не только основного геополитического соперника, но и главного идейно-идеологического врага для дела модерной свободы в мире¹. Однако этот момент может представлять интерес в основном для исторического или, в лучшем случае, для историко-социологического анализа европейского общества перед катастрофой 1914 г. Собственно социологов в русской части веберяны может заинтересовать именно социально-теоретическое осмысление драматической по своему характеру модернизации в крупнейшей аграрной стране Европы, последней вступившей на путь либерального конституционализма.

Можно утверждать, что русская проблематика с ранних аграрно-социологических работ М. Вебера выполняла функцию «зеркала»: Россия и Германия представляли для него двумя большими странами, в которых две ключевые социальные группы (помещики и юнкерство соответственно) тормозили капиталистическое развитие. В этом отношении, безусловно, права Р.П. Шпакова, подчеркивающая, что для М. Вебера «роль аграрного фактора всегда представлялась в высшей степени значимой для национального государства, сохранения его жизнеспособности» [Шпакова 2005, с. 130].

Не меньший социально-теоретический интерес представляют веберовские оценки эксперимента большевиков [Дмитриев 2017], по-своему пытавшихся ответить на модернизационные вызовы, а также его высказывания о государственном социализме и бюрократии в контексте общеевропейской революционной динамики [Dmitriev 2019].

Еще один значимый момент рассуждений классика, выходящий за рамки чисто русских сюжетов и относящийся к ядру его социологии религии, касается темы обмирщения религий спасения и возникающих в его ходе типов интеллектуалов («идеологических виртуозов») [Кильдюшов 2022]. Кстати, сам он не скрывал свой скепсис в отношении этой не только русской, но и немецкой публики, пытавшейся навязать человечеству свои утопические проекты посюстороннего спасения.

В связи с постоянным ростом достижений мирового вебероведения [Bachmann, Schwinn 2022] текстологическое присутствие Макса Вебера в социально-теоретической литературе постоянно растет, превосходя физические возможности для адекватной рецепции. В этом смысле сегодня веберяна значительно превышает веберовский корпус текстов, имевшийся в публичном доступе при его жизни [Kaiser, Rosenbach 2014]. Это касается различных сторон творчества классика. Так, русская часть его наследия также обладает значительным потенциалом для уточнений и даже пересмотра многих устоявшихся положений. Прежде всего это касается эвристического статуса самих веберовских текстов о Русской революции, поскольку при их изучении перед исследователями встает целый ряд трудно разрешимых вопросов. В какой мере тексты о Русской революции соответствовали тогдашнему состоянию немецкого и мирового россиеведения? Как они были восприняты интеллектуальным сообществом? Чем вызвана столь резкая реакция на них со стороны В.И. Ленина [Вебер 1906]? В чем специфика их дальнейшей рецепции,

¹ Впрочем, эти взгляды на империю поздних Романовых разделялись и многими левыми в Германии. Например, вождь немецких социал-демократов Август Бебель – в принципе харизматический пацифист – делал исключение из своего пацифизма на случай войны с Российской империей.

скажем, в отличие от других частей веберовского корпуса? Какую значимость они сохраняют сегодня, помимо чистой архивной релевантности в качестве части наследия выдающегося теоретика? Насколько содержательные аспекты его русских эссе могут заинтересовать нас сегодня?

Попробуем ответить на некоторые из этих вопросов путем более пристального взгляда на место нашей страны в общей архитектонике мысли классика.

Россия в веберовском корпусе

Следует отметить, что иногда обращения М. Вебера к русской проблематике носят довольно неожиданный характер. Например, во время работы над русским переводом китайского тома из веберовского цикла «Хозяйственная этика мировых религий» [Вебер 2017] автор этих строк сначала сильно удивлялся, казалось бы, не очень уместному появлению в сочинении, посвященном в основном конфуцианству и даосизму, многочисленных примеров из отечественной исторической практики. Всего в этом труде нашлось не менее 20 упоминаний России и русских сюжетов, в которых М. Вебер уделяет внимание самым разнообразным темам – от феномена крестьянского «мира» (т. е. деревенской солидарной общины с ее «душевым наделом») или кулачества как результата ее разложения до русских экзотических сект вроде хлыстов. Также в различных контекстах немецкий мыслитель затрагивает такие типичные институты русской истории, как самодержавная власть, местничество или огосударствление церкви. Репрезентативным писателем для него выступает Л.Н. Толстой [Hanke 1993]: в частности, упоминается роман «Воскресение», что вообще характерно для веберовского стиля проблематизации. При этом им цитируются и работы русских востоковедов начала XX в. [Кохановский 1909; Иванов 1909]. Более того, М. Вебер с сожалением признает, что остальная русская литература оказалась для него недоступна в годы Первой мировой войны.

Конкретно в этом исследовании конфуцианской этики русские примеры служат для ученого своеобразной поясняющей аналогией для некоторых китайских практик. Можно считать, что здесь Россия как более или менее понятный для европейцев *Другой* выступает эвристическим средством объяснения радикально *Чужого*, т. е. Китая. Замечу, что в вебероведческой литературе есть попытки пойти дальше анализа М. Вебером Российской империи как патримониальной системы господства и из-за определенного сходства с Китаем отнести ее к восточным деспотиям [Murvar 1984].

Даже в полемике по поводу самого знаменитого труда М. Вебера – «Протестантской этики» [Вебер 1990], которая тематически не менее далека от России, – можно встретить схожие упоминания нашей страны в качестве иллюстративного материала. Речь в частности идет о его полемических ответах 1907–1910 гг. на сначала критические замечания философа Карла Фишера, а затем о двух антикритиках на инвективы историка Феликса Рахфалья. «Первая антикритика» на Ф. Рахфалья недавно вышла на русском языке [Вебер 2023а], как и первая часть «Второй антикритики» [Вебер 2025], а вторая ее часть готовится нами к публикации в 2026 г. В этой части веберовского корпуса количество упоминаний русских сюжетов

также насчитывает десятки – прежде всего это история раскола, феномен старообрядчества, русские секты, например, скопцы или штундисты.

Еще один пример такого рода вторжения русской темы в, казалось бы, совершенно гетерогенный для нее материал – реплика на тему «Стоически-христианское естественное право и современное профанное естественное право» [Weber 2014]. Макс Вебер выступил с ней в рамках дебатов на Первом съезде немецких социологов 21 октября 1910 г. Одно из центральных мест здесь неожиданным образом занимало православие (прежде всего русское), эксплицитно обсуждаемое классиком на многих страницах. Эта реплика являлась реакцией на панельное выступление Эрнста Трельча с тем же названием [Troeltsch 1911]. В последовавшей дискуссии, помимо М. Вебера (дважды бравшего слово), также участвовали такие крупные фигуры, как Фердинанд Теннис, Эберхард Готейн, Георг Зиммель, Мартин Бубер и Герман Канторович [Verhandlungen 1911].

В своем комментарии Макс Вебер обратил внимание коллег на раннее христианство вообще и православие в частности. Он подчеркивал роль античного мистицизма, который до сих пор оказывает влияние на православную церковь. Приведем ключевую цитату из данного высказывания: «Далее я хотел бы дополнить, что особую важную роль играет греческая церковь. Ее не так-то легко упорядочить. Господа, в государственном и организационном отношении Россия три десятилетия назад и еще сильнее, конечно, до отмены крепостного права, была примерно в состоянии империи Диоклетиана. Хотя культурные условия, а во многом и экономические условия были в некоторых случаях существенно иными. Русское христианство было и остается сегодня в значительной степени античным христианством с его специфическими типами» [Verhandlungen 1911, s. 755].

При этом референтными авторами для М. Вебера выступили А.С. Хомяков и В.С. Соловьев. Правда, пока нет ясности, какие конкретно их сочинения он имел в виду. Некоторые исследователи полагают, что М. Вебер почерпнул свои знания об этих двух русских авторах из II тома «Очерков по истории русской культуры» П.Н. Милюкова: в вышедшее в 1910 г. шестое издание П.Н. Милюков как раз включил соответствующий отрывок о А.С. Хомякове и В.С. Соловьеве².

Далее в докладе на социологическом съезде при обсуждении специфики православия в имперской России М. Вебер опять-таки привлек материал русской литературы. Здесь социология религии у него плавно перетекла в социологию литературы, в рамках которой великий русский роман XIX в. оказывался специфическим продуктом русской религиозности. Об этом говорит характерная цитата: «О Толстом известно, как он относился к этой мистической вере. Но если вы вообще хотите понять русскую литературу, особенно великую, то вы всегда должны учитывать, что это одна из основ, на которых все строится» [Verhandlungen 1911, s. 756].

Об устойчивом интересе М. Вебера к Л.Н. Толстому хорошо известно. Здесь достаточно лишь указать, что в письме к жене Марианне от 1 ноября 1910 г. Макс Вебер сообщает, что он по два часа читает этого писателя перед сном [Weber 1994, p. 674]. Как написала Эдит Ханке в своей работе «Пророк несовременного», это знакомство с творчеством русского писателя проявилось и в известных работах о России 1905–1906 гг. [Hanke 1993]. Для русского издания журнала «Логос», которое должно было выйти в октябре 1911 г., М. Вебер даже планировал

² Веберовская рецепция этих авторов детально исследована в работе Хуберта Трайбера «Макс Вебер и русская философия истории» [Treiber 1995].

написать статью об этике Л.Н. Толстого. Марианна Вебер в своих записках о муже также сообщает о задуманной им книге о Л.Н. Толстом [*Вебер Марианна* 2007, с. 388], но ни того, ни другого он не написал.

Также известно, что ученый планировал в рамках своего цикла «Хозяйственная этика мировых религий» систематически проанализировать православие в рамках отдельного тома о древнем христианстве. К сожалению, этот исследовательский проект (как и том по исламу) осуществлен им не был. Поэтому вебероведам остается лишь предполагать, как могла бы выглядеть условная «Православная этика и дух не-капитализма», опираясь лишь на разрозненные, частные веберовские суждения по конкретным вопросам (русские секты, духовные поиски русской интеллигенции XIX в., характер русского правдоискательства и революционаризма) и основываясь на оценке известных фигур (В.С. Соловьева, А.С. Хомякова, С.Н. Булгакова и особенно Л.Н. Толстого). В этом смысле амбициозную задачу систематизации интереса М. Вебера к восточному христианству вообще и русской его версии в частности еще только предстоит осуществить.

Вольфганг Моммзен во «Введении» к русскому тому Полного собрания сочинений пишет о том, что в первые десять лет своей научной и политической деятельности М. Вебер практически не занимался Россией. При этом он упоминает веберовские опросы по заказу Союза социальной политики и организацию Евангелическо-социального конгресса, посвященных положению сельскохозяйственных рабочих в польских областях Пруссии. Однако Россия все же присутствовала на втором плане размышлений М. Вебера о судьбе сельскохозяйственных рабочих в прусских провинциях к востоку от Эльбы: Российская империя опосредованно попала в его круг зрения хотя бы из-за того, что тогда он разделял требования закрыть восточную границу рейха для польских мигрантов, угрожавших немецкой идентичности пограничных областей [*Mommsen* 1989, s. 1].

Можно предполагать, что столь же имплицитно Россия присутствовала и в контексте проблематики геополитической борьбы за будущее, получившей программную разработку в ставшей скандально известной инаугурационной лекции М. Вебера во Фрайбурге «Национальное государство и народнохозяйственная политика» 1895 г. [*Вебер* 2003]. В этом смысле можно исходить из того, что как в 1890-е, так и в первые годы XX в. Макс Вебер довольно пристально следил за политическими событиями в России и вокруг нее, хотя еще не имел тогда повода эксплицитно выразить свое отношение к ним в публицистической или научной форме.

Учитывая все это, можно предложить следующую динамическую схему эволюции веберовского интереса к восточному соседу Германской империи. Эта схема включает русскую проблематику в трех отличных эвристических смыслах и социально-онтологических статусах с различной эмоциональной нагрузкой. В рамках данной объяснительной схемы мы далее будем условно говорить о «трех Россиях» Макса Вебера.

Россия-1: архаичный сосед

Классиком социологии Россия в основном воспринималась как специфический элемент мира модерна, включающий в себя значительные элементы социокульту-

турной архаики. Именно в этом качестве ученого интересовали некоторые структуры, сохранившиеся в русской социальной практике к рубежу веков, но давно исчезнувшие в Европе («эпоха Диоклетиана»). В этом смысле Россия выступала для М. Вебера как своеобразный живой социологический архив, позволяющий наглядно представить реконструируемые социальной наукой институты европейского прошлого. При этом в качестве фонового элемента русская тематика изначально присутствовала в горизонте веберовской мысли и никогда не исчезала из него. Подобный взгляд подразумевал в лучшем случае эмоционально-нейтральную фиксацию наличия у Германии столь уникального соседа, на которого неизбежно приходилось обращать внимание.

Существует и более сильная версия этого тезиса, настаивающая на конститутивном характере русской проблематики для М. Вебера. В качестве радикального примера можно привести статью Хуберта Трайбера «Рождение веберовского тезиса о рационализме», которая завершается следующим утверждением: «Рассматривая “Запад”, Вебер, по-видимому, в первую очередь смотрел на “Восток” – направление, которое вебероведение упустило с тех пор из виду. Своим развитием и возникновением тезис Вебера о рационализме обязан не в последнюю очередь его интересу к России, которая может занимать видное место в мышлении Макса Вебера» [Treiber 1991, s. 7]. И хотя данный подход является для мейнстрима скорее маргинальным, он проблематизирует серьезные лакуны в современном вебероведении, в котором до сих пор нет фундаментальной работы, подводящей содержательные итоги дискуссии по данному вопросу, включая исчерпывающий обзор релевантной литературы. Как нет до сих пор и полноценного русского исследования на тему «Вебер и Россия», опирающегося на последние достижения в данной области знания.

Между тем, именно пристальный взгляд на Россию позволил М. Веберу сделать далекоидущие выводы на стыке социологии религии и социологии политики, когда он стал лучше понимать роль религиозной традиции в процессе политической модернизации: конкретно речь идет о квазирелигиозных или секуляризованных социальных движениях вроде русских революционеров, в среде которых харизма из чисто религиозного феномена превращается в сугубо политический. В этом смысле отдельной проблематизации требует и веберовское понимание революции в целом³. Вполне очевидно, что здесь необходимы междисциплинарные усилия в течение многих лет, а лучше – десятилетий. Однако пока отечественному вебероведению остается только мечтать о масштабных проектах такого рода.

Россия-2: страна запоздавшей свободы

Если вернуться к предложенной выше аналитической схеме, то вторым вариантом в ней является уже не фоновое, а эксплицитное обращение М. Вебера к русской проблематике, в частности к драматическим событиям Русской революции в 1905–1906 гг. Для этого он очень быстро освоил русский язык до рабочего уровня, интенсивно изучал источники и научную литературу, регулярно контактировал

³ По наблюдению А.Ф. Филиппова, у М. Вебера невозможно найти эксплицитной проблематизации роли революции, не занявшей достойного места в его теоретической социологии [Filippov 2022]!

с русскими студентами и эмигрантами в Гейдельберге. В кругу его общения появились интеллектуалы левой ориентации родом из России: в те годы в университетах Германии училось значительное число молодых кадетов и социалистов различных оттенков – прежде всего эсеров и социал-демократов. Несмотря на то, что М. Вебер довольно скептически относился к идеологически возбужденной публике такого рода, в условиях острого политического кризиса в Российской империи в круг общения Вебера вошли именно такие фигуры. Так, среди его контактов особо выделялись Б.А. Кистяковский, Ф.А. Степун, Н.Н. Бубнов, С.И. Гессен и др. Кроме того, немецкий ученый вступил в переписку с русскими экспертами и политиками: вероятно, среди них были П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, П.Н. Милоков и др. В этот период появился ряд организованных М. Вебером публикаций, помимо его собственных статей о России: так, в «Архиве социальной науки» им была опубликована выжимка из «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова [Bulgakow 1913] и т. д.

Помимо чисто содержательного интереса, вся эта бурная активность социального ученого сопровождалась эмоциональными оценками событий в далекой России, выходящими за рамки холодного научного наблюдения. Однако пафос веберовской ангажированности, его нескрываемая симпатия в адрес деятелей русского либерально-конституционного движения научно-политически представляли собой ту самую публицистическую партийность, которую М. Вебер системно критиковал в своих работах по теории науки [Кильдюшов 2023b]. Обе веберовские хроники революционных событий – «К положению буржуазной демократии в России» [Вебер 2007a] (февраль 1906 г.) и «Переход России к псевдоконституционализму» [Вебер 2007b] (август 1906 г.) – даже на уровне языка перегружены следующими эпитетами – «лукавое монгольское коварство», «святое самоотречение», «подлинная вера», «страстная ревность» и т. п. Марианна Вебер назвала этот момент самоожитации мужа «полным сживанием с душой и культурой русского народа» [Вебер Марианна 2007, с. 287]. Очевидно, что ознакомление с программными требованиями русского конституционализма, усиленное непосредственным общением с радикальными носителями его духа в Гейдельберге вызвали в Максе Вебере не только исследовательский интерес, но и живое сочувствие к безнадежному делу русской демократии.

Его интерес к русской ситуации отнюдь не угас после Первой русской революции и вовсе не ограничивался, как часто принято считать, хрониками 1905–1906 гг. Помимо переписки с русскими учеными, он поддерживал личные контакты в Гейдельберге, например, с Ф.А. Степуном, который писал под руководством Вильгельма Виндельбанда диссертацию по В.С. Соловьеву. Так, в 1909 г. он опубликовал отклик в «Русских ведомостях», обвинивших его в антироссийской позиции. В декабре 1912 г., впервые после своего психического заболевания, М. Вебер публично выступил на мероприятии в честь 50-летия Гейдельбергской русской читальни имени Н.И. Пирогова. Кроме того, он выражал готовность самому поехать в Россию, чтобы непосредственно познакомиться со страной, ставшей предметом его интенсивных штудий: зимой 1912 г. он планировал отправиться в Москву, а следующим летом – в Санкт-Петербург и даже в русскую деревню [Mommesen 1989, s. 25]!

Закономерно, что кратковременное, но крайне интенсивное занятие М. Вебера трагической судьбой русского модерна потребовало от него значительных

затрат энергии. В переписке с друзьями он пишет об изнеможении, вызванном написанием и подготовкой к печати двух развернутых комментариев, быстро переросших все мыслимые пределы. При этом первоначально им планировался один исключительно вводный текст: Марианна Вебер говорит о «замечаниях» для привлечения интереса читателей «Архива» к статье С.И. Живаго о конституционном проекте русских либералов [Вебер Марианна 2007, с. 286]. Однако из небольшой заметки вырос обширный трактат, занявший у М. Вебера несколько месяцев работы, при этом за первым последовал второй, еще более объемный. В результате ему пришлось менять как свои исследовательские планы, так и публикационные планы «Архива», сдвигая ранее согласованные статьи. Без сомнения, М. Вебер утратил контроль над собственной вовлеченностью в политические события в России. Однако означает ли это, что страстный политик полностью победил здесь трезвого ученого? Ведь очевидно, что местами его анализ выходит за рамки политической социологии Русской революции, переходя в историческую макросоциологию и даже историософию модерна.

Кратко напомним основную драму данного исторического момента по версии самого М. Вебера. Для него речь шла ни много ни мало о судьбе свободы в мире XX века! Если русские современники боролись конкретно за установление социального порядка на современных политических принципах, то неподдельный интерес немецкого социолога вызывали сами шансы на успех столь запоздалой для «нормальных» стран буржуазно-демократической революции. Его ажитация была вызвана уникальной возможностью самому наблюдать, насколько это осуществимо в новых условиях организованного общества и индустриального капитализма. Главная проблема русской «догоняющей модернизации», по М. Веберу, заключалась в структурном и темпоральном несоответствии между либеральным нарративом демократических свобод и социально-экономическими рамками позднего капитализма. Приведем красноречивую цитату: «Было бы совершенно смешотворно надеяться, что нынешний зрелый капитализм (этот неизбежный итог хозяйственного развития), каким он импортирован в Россию и установился в Америке, как-то сочетается с “демократией”, а тем более “свободой” (в каком бы то ни было смысле). Вопрос стоит совершенно иначе: каковы в этих условиях шансы на выживание “демократии”, “свободы” и пр. в долгосрочной перспективе?» [Вебер 2007а, с. 49].

Ю.Н. Давыдов очень точно назвал эту дилемму «трагедией запоздавшей свободы» [Davydov, Gaedenko 1995]. Именно поэтому тогдашняя борьба за демократизацию романовской империи носила для М. Вебера универсально- или философско-историческое, а не только провинциальное, чисто национальное значение. При этом, несмотря на всю свою симпатию, он отчетливо фиксировал социологическую невозможность политической модернизации по западноевропейскому образцу: «Из истории России оказались исключены все те стадии развития, на которых сильные экономические интересы собственников служили буржуазному движению за свободу» [Вебер 2007б, с. 103].

Таким образом, Вебер-социолог, фиксирующий отсутствие рамочных предпосылок, хотя бы отчасти сохранял трезвость диагноста. Ему возражала экзальтированность Вебера-политика, вопреки всему надеющегося на такое чудо, как воля русской нации «не допустить, чтобы ею управляли как стадом баранов». Для Вебера-либерала очевидно: «Россия теперь окончательно встала на путь

специфически европейского развития, каковы бы ни были в ближайшее время возможные тяжелые рецидивы» [Вебер 2007а, с. 51].

Стоит ли говорить, что столь ошибочная оценка, в которой явно было больше политически мотивированной надежды, в том числе обусловленной и внутренне-германским контекстом, лишней раз демонстрирует довольно ограниченную прогностическую силу веберовской мысли. С ней может сравниться разве что высказанная в 1917 г. уверенность в том, что режим большевиков обречен на скорый крах. И здесь мы приближаемся к третьей опции в нашей схеме. Но прежде чем перейти к ней, лишь кратко укажем на примечательный «булгаковский парадокс», зафиксированный в свое время уже упомянутым Ю.Н. Давыдовым: С.Н. Булгаков проявил глубокий и напряженный интерес к Веберу – автору «Протестантской этики», но полностью проигнорировал веберовские трактаты о Русской революции [Давыдов 1998, с. 122]! Это загадочное на первый взгляд молчание свидетельствует сегодня о роли безответственной интеллигентской апологии революции в одной из самых страшных модернизационных катастроф в истории XX в.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о «социологичности» русских экскурсов М. Вебера, поскольку к моменту их написания его социология еще не сложилась в смысле окончательной формулировки ключевых положений общей теории модерна как рационализации. К моменту Русской революции М. Вебер был известен прежде всего как автор оригинальной концепции генезиса капитализма. Конечно, с точки зрения истории идей, его русские рефлексии представляют интерес сами по себе, но все еще остается непоясненным соотношение в них различных жанров – публицистики, политического анализа, историософии и собственно социологии.

Россия-3: главный враг

Третий вариант отношения М. Вебера к России возник в период Первой мировой войны и значительно отличался от его представлений времен Русской революции. Так, на этапе максимального погружения в русскую проблематику 10 годами ранее Россия проявлялась в веберовской философии истории как чуть ли не последний шанс для человечества на сохранение и развитие принципа индивидуальной свободы, причем не в одиночку, а наряду с Америкой, с которой она разделяла как континентальный характер свободного пространства, так и отсутствие исторически укорененных институтов. Иными словами, под впечатлением поездки в США и революционных событий в России эти две гигантские «неисторические страны» тогда представляли для М. Вебера пространством для историософской проекции его собственного глубоко пессимистического взгляда на судьбу модерна.

С началом мировой бойни М. Вебер возвращался к России прежде всего в связи с политикой войны и мира. Речь идет о целом ряде публикаций – «К вопросу о заключении мира» (ноябрь/декабрь 1915); «Внешняя политика Бисмарка и нынешняя ситуация» (декабрь 1915); «Обострение подвойной войны» (март 1916); «Германия среди европейских великих держав» (октябрь 1916); «Внешняя политика Германии и внутренняя политика Пруссии» (март 1917); «Внутреннее положение и внешняя политика» (февраль 1918); «Перемирие и мир» (октябрь 1918);

«О вине за развязывание войны» (январь 1919) и др. Большая часть этих работ не переведена на русский и практически не введена в отечественный научный оборот⁴.

Вполне очевидно, что публичные высказывания М. Вебера периода Первой мировой войны были обусловлены прежде всего военно-политическими соображениями. Его надежды были направлены на завершение войны с минимальными потерями для Германской империи. И хотя в 1917 и 1918 гг. он частично опирался на свои трактаты 1906 г., сохранить какую-либо «объективность» в отношении военного противника уже не получалось: эти тексты представляли события в России в крайне одностороннем свете. Если режим поздней империи М. Вебер именовал псевдоконституционализмом, а ситуацию после февраля 1917 г. – псевдодемократией, то власть большевиков – псевдосоциализмом. Несмотря на уверения в симпатиях к русскому освободительному движению, в условиях националистической мобилизации это уже было невозможно: те же кадеты, которых он так страстно поддерживал ранее, оказываются теперь принципиальными врагами Германии. Прежде всего это касается его вероятного корреспондента времен Русской революции, министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова, препятствовавшего выходу России из неудачной войны. Об этом свидетельствует довольно красноречивая цитата: «Какой ярлык наклеен на русский империалистический экспансионизм – царистский, кадетский или большевистский, для нас безразлично: его результат для нас одинаков» [Вебер 2007с, с. 130].

По аналогии с «Россией-2» здесь можно поставить ряд открытых вопросов о социологическом измерении веберовских текстов о революции 1917 г. [Вебер 2007d]. Каков основной мотив их написания? Где в них собственно социология? Стали бы мы их сегодня читать, если бы не авторство М. Вебера? Каковы их жанровые особенности и эвристический статус? Действительно ли классик выходит в них за пределы конвенциональной «прикладной политологии»? Какую роль здесь играют элементы собственно социологического анализа как специфической формы познания социальной действительности? И наконец: насколько веберовские прикладные исследования России взаимодополняемы с его общей теорией модерна?

Заключение

Несмотря на то, что со дня смерти Макса Вебера прошло более 100 лет, его теоретическое наследие и сегодня вызывает много вопросов научно-политического, эвристического и методического свойства. Не являются исключением и те места веберовского корпуса, которые так или иначе затрагивают русские темы и сюжеты.

Подводя предварительные итоги, в целом можно считать, что Россия постоянно – так или иначе – присутствовала в горизонте веберовской мысли о мире модерна. Она выступала в качестве значимой точки референции во многих его исследованиях, будь то социология религии, социология права или теория господства.

⁴ Представляется крайне необходимым их введение в русский научный оборот; пока же в порядке эксперимента лишь одна веберовская работа военной поры – статья «Между двумя законами» (февраль 1916) – была переведена и опубликована автором этих строк в профильном для этой тематики издании [Вебер 2023b].

Естественно, при этом наблюдаются то периоды ее поверхностного восприятия во многих частях веберовского корпуса текстов («Россия-1» как внешний фон), то резкие всплески интереса к нашей стране («Россия-2» как страна запоздавшей свободы) и даже годы резкого неприятия, связанного с Первой мировой войной и последующими революционными событиями 1917 г. («Россия-3» как главный враг Германии). Проживи М. Вебер дольше, видимо, в его наследии появилась бы и какая-то другая Россия – «Россия-4» и даже «Россия-5»⁵...

Все эти модусы восприятия России у М. Вебера не исключали, а дополняли друг друга. Их динамика была связана не столько с тем, что он разочаровывался в предыдущих представлениях, сколько с тем, что его взгляды на российское общество могли довольно сильно меняться вследствие трансформации его исследовательских и политических интересов. Таким образом, те или иные аспекты российской действительности в контексте бурных исторических событий того времени (мировая война, Русская и Германская революции) получали иную аналитическую перспективу.

Несмотря на всю амбивалентность и незавершенность веберовских размышлений по поводу России, объяснимым образом возникает соблазн собрать из подобных фрагментов более или менее целостную концепцию русского модерна (немодерна, недомодерна и т. п.), и такие попытки отечественных исследователей неизбежны. Представляется, что и продуктивная постановка такого рода вопроса, и осмысленные ответы на него возможны лишь в рамках общей реконструкции взглядов М. Вебера на вызов современности как судьбу человечества. Здесь русская проблематика оказывается значимым элементом веберовской «теории модерна», являющейся одновременно макросоциологической рамкой анализа социальных изменений.

Список источников

- Вебер М. (1906) Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. Киев: типография И.И. Чоколова.
- Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс.
- Вебер М. (2003) Национальное государство и народнохозяйственная политика // Вебер М. Политические работы, 1895–1919. М.: Праксис. С. 7–39.
- Вебер М. (2007а) К положению буржуазной демократии в России // Вебер М. О России: Избранное. М.: РОССПЭН. С. 14–55.
- Вебер М. (2007б) Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России: Избранное. М.: РОССПЭН. С. 56–104.
- Вебер М. (2007с) Внутреннее положение и внешняя политика (отрывок) // Вебер М. О России: Избранное. М.: РОССПЭН. С. 128–130.
- Вебер М. (2007д) Переход России к псевдодемократии // Вебер М. О России: Избранное. М.: РОССПЭН. С. 104–127.
- Вебер М. (2017) Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль.
- Вебер М. (2023а) Первая антикритика на «Дух капитализма» // Социологическое обозрение. Т. 22. № 2. С. 85–107. DOI: 10.17323/1728-192x-2023-2-85-107

⁵ Ведущий отечественный веберовед Д.В. Катаев в ходе вышеупомянутой дискуссии на веберовской конференции 2024 г. обратил внимание на «зеркальную» функцию России в мысли М. Вебера не только в аграрной сфере, но и в отношении некоторых аспектов бюрократии. В качестве другого значимого аспекта он предлагает рассматривать содержательный диалог немецкого ученого с русскими социальными теоретиками, например с Б.А. Кистяковским, по поводу методологии идеальных типов.

- Вебер М. (2023b) Между двумя законами // Россия в глобальной политике. Т. 21. № 3. С. 112–116. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-112-116
- Вебер М. (2025) Вторая антикритика на «Дух капитализма». Часть I // Социологическое обозрение. Т. 24. № 2. С. 252–273. DOI: 10.17323/1728-192x-2025-2-252-273
- Вебер Марианна (2007) Жизнь и творчество Макса Вебера. М.: РОССПЭН.
- Давыдов Ю.Н. (1998) Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис.
- Дмитриев Т.А. (2017) Русская революция как опытное опровержение социализма: версия Макса Вебера // Социологическое обозрение. Т. 16. № 3. С. 87–110. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-87-110
- Иванов А.И. (1909) Ван Аньши и его реформы. XI в. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича.
- Кильдюшов О.В. (сост.) (2022) Политическая теология/антропология Русской революции // Социология власти. Т. 34. № 2 // <https://socoftpower.ranepa.ru/jour/issue/view/5/showToc>, дата обращения 15.12.2025.
- Кильдюшов О.В. (2023a) Политика как судьба: Макс Вебер о трагизме положения великой державы // Россия в глобальной политике. Т. 21. № 3. С. 104–111. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-104-111
- Кильдюшов О.В. (2023b) Между этосом научности и полицией нравов: Макс Вебер как полемист // Социологическое обозрение. Т. 22. № 2. С. 71–84. DOI: 10.17323/1728-192x-2023-2-71-84
- Кохановский Н.И. (1909) Землевладение и земледелие в Китае. Владивосток: Типолитография Восточного Института (Известия Восточного института. 9-й год издания. 1907–1908 академический год. Т. 23. Выпуск 2).
- Шпакова Р.П. (2005) Макс Вебер и Владимир Ленин: аграрный вопрос (1892–1893) // Социологические исследования. № 11. С. 129–137 // <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-11/shpakova.pdf>, дата обращения 15.12.2025.
- Bachmann U., Schwinn T. (red.) (2022) Max Weber Revisited: Zur Aktualität eines Klassikers, Weinheim: Beltz Juventa.
- Bulgakow S. (1913) Die naturphilosophischen Grundlagen der Wirtschaftstheorie // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, no 36 (2), s. 359–393.
- Davydov J., Gaedenko P. (1995) Russland und der Westen: Heidelberger Max Weber-Vorlesungen 1992, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Dmitriev T. (2019) Max Weber and the November Revolution of 1918 in Germany; Or, Why Bolshevism Had No Chance in the West // Russian Sociological Review, vol. 18, no 2, pp. 146–173. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-2-146-173
- Filippov A.F. (2022) Die Weber-Rezeption in Russland // Max Weber Revisited: Zur Aktualität eines Klassikers (red. Bachmann U., Schwinn T.), Weinheim: Beltz Juventa, s. 258–276.
- Hanke E. (1993) Prophet des Unmodernen. Leo N. Tolstoi als Kulturkritiker in der deutschen Diskussion der Jahrhundertwende, Tübingen: Niemeyer.
- Kaiser M., Rosenbach H. (red.) (2014) Max Weber in der Welt. Rezeption und Wirkung, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Mommsen W. (1989) Einleitung // Weber Max Gesamtausgabe. Bd. 10. Zur Russischen Revolution von 1905: Schriften und Reden 1905–1912, Tübingen: J.C.B. Mohr.
- Murvar V. (1984) Max Weber and the Two Non-Revolutionary Events in Russia, 1917: Scientific Achievement or Prophetic Failures // Max Weber's Political Sociology: A Pessimistic Vision of a Rationalized World (eds. Murvar V., Glassman R.M.), Westport, Conn.: Greenwood Press, pp. 237–272.
- Treiber H. (1991) Die Geburt der Weberschen Rationalismus-These: Webers Bekanntschaften mit der Russischen Geschichtsphilosophie in Heidelberg // Leviathan, no 3, s. 435–451.
- Treiber H. (1995) Max Weber und die Russische Geschichtsphilosophie // Religionssoziologie um 1900 (red. von Krech V., Tyrell H.), Würzburg: Ergon, s. 249–288.
- Troeltsch E. (1911) Das Stoisch-Christliche Naturrecht und das Moderne Profane Naturrecht // Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages vom 19.–22. Oktober 1910 in Frankfurt a. M., Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), s. 166–192.

- Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages vom 19.–22. Oktober 1910 in Frankfurt a. M. (1911), Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M. (1984–2020) Gesamtausgabe, Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M. (1994) Brief an Marianne Weber, 1. November 1910 // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 6. Briefe 1909–1910, Tübingen: J.C.B. Mohr.
- Weber M. (2014) Das stoisch-christliche Naturrecht und das moderne profane Naturrecht [Diskussionsbeiträge auf dem Ersten Deutschen Soziologentag am 21. Oktober 1910] // Weber Max Gesamtausgabe. Bd. I/9: Asketischer Protestantismus und Kapitalismus. Schriften und Reden 1904–1911 (red. W. Schluchter W., Bube-Wirag U.), Tübingen: Mohr Siebeck, s. 747–464.

Max Weber's Three Russias: Towards the Weberian Sociology of Russian Modernity

O.V. KILDYUSHOV*

***Oleg V. Kildyushov** – Senior Researcher, Center for Fundamental Sociology, HSE University, Moscow, Russian Federation; kildyushov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9801-1952>

Citation: Kildyushov O.V. (2026) Max Weber's Three Russias: Towards the Weberian Sociology of Russian Modernity. *Mir Rossii*, vol. 35, no 2, pp. 6–21 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-2-6-21

Abstract

This article examines a heuristic framework for analyzing the significance of Russian themes in Max Weber's corpus, in connection with the completion of the complete edition of his works as a comprehensive source base. It highlights the ambivalent position of Russian themes in the his legacy: while Russia was never central to his scholarship, the issue of Russia's modernization was deeply intertwined with Weber's philosophy of history—particularly his concept of progressive rationalization as humanity's inevitable fate. The author notes the borderline status of Weber's excursions on Russia, situated at the intersection of discursive genres—political analysis, historiographical prognostication, and even visionary prophecy. The heuristic status of Weber's chronicles of the Russian Revolution is questioned. The proposed analytical framework identifies the distinct stages and corresponding modes of thematizing Russian topics in Weber's writings. The study argues that much of his work reflects the background perception of Russia as a significant yet peripheral neighbor—an outsider to modernity, retaining substantial sociocultural archaisms. It is in this sense that Russian themes are found in many Weberian texts, even those not related to Russia (e.g., the volume on Chinese ethics). This approach underwent a significant

This publication was prepared as part of the research project of the Center for Fundamental Sociology at the HSE University in 2025, as part of the HSE Fundamental Research Program. The article is based on a report of the same name, which was presented on September 20, 2024, at the Weberian Interdisciplinary Scientific Conference at HSE University, titled "Russia in Max Weber's Sociology and Neo-Weberian Interpretations". The author would like to thank the participants of the discussion for their valuable comments, which have significantly improved the accuracy of the argumentation.

The article was received in March 2025.

change during the brief period of Weber's intensive engagement with the Russian Empire during the 1905–1906 Russian Revolution, marked by paradoxical combinations of analytical rigor and historiosophical pathos. His basic knowledge and contacts with Russian experts during this time retained their lasting relevance. Russia emerges here as humanity's last chance to realize the modern ideals of freedom. The third phase of Weber's interest in Russia, which is linked to the First World War and the 1917 Revolution, is characterized by a predominantly negative assessment. The heuristic value of his analyses after 1914 is critically scrutinized. The conclusion underscores the dynamic evolution of Weber's perception of Russia, calling for further interdisciplinary research within the broader theme of "Weber and Russia".

Keywords: Max Weber, history of sociology, Russian Revolution, modernization of Russia, theory of modernity, rationalization, historical sociology, Max Weber studies

References

- Bachmann U., Schwinn T. (red.) (2022) *Max Weber Revisited: Zur Aktualität eines Klassikers*, Weinheim: Beltz Juventa.
- Bulgakow S. (1913) Die naturphilosophischen Grundlagen der Wirtschaftstheorie. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no 36 (2), s. 359–393.
- Davydov J., Gaedenko P. (1995) *Russland und der Westen: Heidelberger Max Weber-Vorlesungen 1992*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Davydov Yu.N. (1998) *Max Weber and Modern Theoretical Sociology: Actual Problems of Weber's Sociological Teaching*, Moscow: Martis (in Russian).
- Dmitriev T. (2019) Max Weber and the November Revolution of 1918 in Germany; Or, Why Bolshevism Had No Chance in the West. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 2, pp. 146–173. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-2-146-173
- Dmitriev T.A. (2017) The Russian Revolution as an Experimental Refutation of Socialism: Max Weber's Version. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 3, pp. 87–110 (in Russian). DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-87-110
- Filippov A.F. (2022) Die Weber-Rezeption in Russland. *Max Weber Revisited: Zur Aktualität eines Klassikers* (red. Bachmann U., Schwinn T.), Weinheim: Beltz Juventa, s. 258–276.
- Hanke E. (1993) *Prophet des Unmodernen. Leo N. Tolstoi als Kulturkritiker in der deutschen Diskussion der Jahrhundertwende*, Tübingen: Niemeyer.
- Ivanov A.I. (1909) *Wang Anshi and His Reforms. XI Century*, St. Petersburg: M.M. Stasyulevich's type (in Russian).
- Kaiser M., Rosenbach H. (red.) (2014) *Max Weber in der Welt. Rezeption und Wirkung*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Kildyushov O.V. (ed.) (2022) Political Theology / Anthropology of the Russian Revolution. *Sociology of Power*, vol. 34, no 2. Available at: <https://socofpower.ranepa.ru/jour/issue/view/5/showToc>, accessed 15.12.2025 (in Russian).
- Kildyushov O.V. (2023a) Politics as Fate: Max Weber on the Tragedy of the Position of a Great Power. *Russia in Global Politics*, vol. 21, no 3, pp. 104–111 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-104-111
- Kildyushov O.V. (2023b) Between the Ethos of Science and the "Vice Squad": Max Weber as Polemicist. *Russian Sociological Review*, vol. 22, no 2, pp. 71–84 (in Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2023-2-71-84
- Kohanovsky N.I. (1909) *Land Ownership and Agriculture in China*, Vladivostok: Printing and lithography of the Oriental Institute (in Russian).

- Mommsen W. (1989) Einleitung. *Weber Max Gesamtausgabe. Bd. 10. Zur Russischen Revolution von 1905: Schriften und Reden 1905–1912*, Tübingen: J.C.B. Mohr.
- Murvar V. (1984) Max Weber and the Two Non-Revolutionary Events in Russia, 1917: Scientific Achievement or Prophetic Failures. *Max Weber's Political Sociology: A Pessimistic Vision of a Rationalized World* (eds. Murvar V., Glassman R.M.), Westport, Conn.: Greenwood Press, pp. 237–272.
- Shpakova R.P. (2005) Max Weber and Vladimir Lenin: The Agrarian Question (1892–1893). *Sociological Research*, no 11, pp. 129–137. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-11/shpakova.pdf>, accessed 15.12.2025 (in Russian).
- Treiber H. (1991) Die Geburt der Weberschen Rationalismus-These: Webers Bekanntschaften mit der Russischen Geschichtsphilosophie in Heidelberg. *Leviathan*, no 3, s. 435–451.
- Treiber H. (1995) Max Weber und die Russische Geschichtsphilosophie. *Religionssoziologie um 1900* (red. von Krech V., Tyrell H.), Würzburg: Ergon, s. 249–288.
- Troeltsch E. (1911) Das Stoisch-Christliche Naturrecht und das Moderne Profane Naturrecht. *Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages vom 19.–22. Oktober 1910 in Frankfurt a. M.*, Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), s. 166–192.
- Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages vom 19.–22. Oktober 1910 in Frankfurt a. M.* (1911), Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M. (1984–2020) *Gesamtausgabe*, Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M. (1906) *A Historical Sketch of the Liberation Movement in Russia and the Situation of Bourgeois Democracy*, Kiev: I.I. Chokolov's printing house (in Russian).
- Weber M. (1990) Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. *Weber M. Selected Works*, Moscow: Progress (in Russian).
- Weber M. (1994) Brief an Marianne Weber, 1. November 1910. *Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 6. Briefe 1909–1910*, Tübingen: J.C.B. Mohr.
- Weber M. (2003) The National State and National Economic Policy. *Weber M. Political Works, 1895–1919*, Moscow: Praxis, pp. 7–39 (in Russian).
- Weber M. (2007a) On the Situation of Bourgeois Democracy in Russia. *Weber M. About Russia: Selected Works*, Moscow: ROSSPEN, pp. 14–55 (in Russian).
- Weber M. (2007b) Russia's Transition to Pseudo-constitutionalism. *Weber M. About Russia: Selected Works*, Moscow: ROSSPEN, pp. 56–104 (in Russian).
- Weber M. (2007c) Internal Situation and Foreign Policy (excerpt). *Weber M. About Russia: Selected Works*, Moscow: ROSSPEN, pp. 128–130 (in Russian).
- Weber M. (2007d) Russia's Transition to Pseudo-democracy. *Weber M. About Russia: Selected Works*, Moscow: ROSSPEN, pp. 104–127 (in Russian).
- Weber M. (2014) Das stoisch-christliche Naturrecht und das moderne profane Naturrecht [Diskussionsbeiträge auf dem Ersten Deutschen Soziologentag am 21. Oktober 1910]. *Weber Max Gesamtausgabe. Bd. 1/9: Asketischer Protestantismus und Kapitalismus. Schriften und Reden 1904–1911* (red. W. Schluchter W., Bube-Wirag U.), Tübingen: Mohr Siebeck, s. 747–464.
- Weber M. (2017) *Economic Ethics of World Religions: Experiences of Comparative Sociology of Religion. Confucianism and Taoism*, St. Petersburg: Vladimir Dahl (in Russian).
- Weber M. (2023a) The First Anti-criticism on the “Spirit of Capitalism”. *Russian Sociological Review*, vol. 22, no 2, pp. 85–107 (in Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2023-2-85-107
- Weber M. (2023b) Between Two Laws. *Russia in Global Politics*, vol. 21, no 3, pp. 112–116 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-112-116
- Weber M. (2025) The Second Anti-criticism on the “Spirit of Capitalism”. Part I. *Russian Sociological Review*, vol. 24, no 2, pp. 252–273 (in Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2025-2-252-273
- Weber Marianne (2007) *The Life and Work of Max Weber*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).